

Любовь Свидания Поцелуи

РАССКАЗЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

**Леонид Николаевич Андреев
Михаил Михайлович Зощенко**

Антон Павлович Чехов

Иван Алексеевич Бунин

Казимир Станиславович Баранцевич

Михаил Петрович Арцыбашев

Константин Михайлович Станюкович

Пантелеймон Сергеевич Романов

Всеволод Михайлович Гаршин

Алексей Николаевич Толстой

Александр Иванович Куприн

Надежда Александровна Лухманова

Викентий Викентьевич Вересаев

Надежда Тэффи

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Анна Жиркова

Любовь. Свидания. Поцелуи.

Рассказы русских писателей

Серия «Яркие страницы.

Коллекционные издания»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74285576

Любовь. Свидания. Поцелуи.

ISBN 978-5-04-250982-7

Аннотация

«И жили они долго и счастливо...» – о такой любви мы мечтаем в своих фантазиях.

Но не каждые романтические отношения заканчиваются свадьбой, и не все влюбленные живут душа в душу до конца своих дней. Об этом хорошо знали русские классики. Светлые, трагичные и остроумные истории сменяют друг друга, создавая яркую панораму отношений между мужчиной и женщиной конца XIX – первой половины XX века.

В сборник вошли рассказы Чехова, Вересаева, Бунина, Андреева, Гаршина, Лухмановой, Тэффи, Зощенко и др.

Содержание

Константин Станюкович	6
Свадебное путешествие	6
Надежда Лухманова	26
Муся	26
Казимир Баранцевич	41
Бокал шампанского	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Любовь.
Свидания. Поцелуи
Рассказы русских
писателей**

© Зощенко М. М., наследники, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Константин Станюкович (1843–1903)

Свадебное путешествие

I

Минут за десять до отхода курьерского поезда в Москву перед пульмановским вагоном¹ стояла кучка дам и мужчин.

Провожавшие молодую чету Руслановых, три часа тому назад повенчанную в одной из модных домовых церквей – в «Уделах», были из «монда»².

Несколько хорошеньких женщин, много элегантных костюмов и шляп и тонкий аромат духов. Два красивых, молодых, седых генерала. Офицеры блестящих полков. Юный мичман и десяток статских в модных пальто на безукоризненных фраках с цветами в петлицах.

Все казались оживленными и слегка возбужденными.

Чуть-чуть отделившись от кружка, стоял пожилой госпо-

¹ Пульмановский вагон – вместительный спальный или товарный вагон. Впервые такие вагоны стали производить заводы Джорджа Пульмана в США.

² «Монд» – высший свет (от фр. *monde* – мир, свет).

дин с выбритым усталым лицом и равнодушным взглядом, в черном пальто и с фетром на голове.

Он говорил старому адмиралу о погоде в Крыму прошлой осенью. Слегка наклонив голову, адмирал напряженно-внимательно слушал, словно бы боялся проронить одно слово пожилого господина. В лице и в фигуре старика адмирала было что-то искательное и жалкое, хотя его высокопревосходительству не было ни малейшего дела ни до его превосходительства, ни до прошлогодней погоды.

Многие из провожавших Руслановых взглядывали на него значительно, с невольной раболепной чувством. Проходившие мимо мужчины, видевшие пожилого господина в его приемной и даже не бывавшие там, почтительно снимали шляпы, и лица их как будто расцветали, когда его превосходительство любезно приподнимал свой фетр с коротко остриженной заседавшей головы, не припоминая или не зная господ, кому кланялся.

Несколько ливрейных лакеев, стоявших сзади, упорно смотрели на него, и глаза их прилично-серьезных бритых лиц, казалось, загорались горделивым восторгом перед его престижем.

Казалось, невольное и часто бескорыстное раболепие было привычно пожилому господину и не стесняло его. Он принимал его как нечто естественное, как то самое, что испытывал и сам в те времена, когда достигал высоты положения.

Мимо кучки провожающих шнырял господин, могущий

внушать подозрение, не будь он вполне прилично одетый молодой человек в цилиндре, откровенно стремительный, озабоченный и победоносный, с бегающими, почти вдохновенными глазами.

Он так жадно оглядывал женские наряды, бросая более деловитые, чем восторженные взоры на женские даже хорошенькие лица, что можно было принять молодого человека за дамского портного, желающего «схватить» последнее слово фасонов платьев, жакеток и шляпок.

Немедленно выяснилось, что молодой человек не портной. Он набросился на начальника станции и, чуть не коснувшись его юпитерского лица своим длинным и тонким носом, с фамильярной торопливостью и краткостью допрашивал: «Кто новобрачный?.. Куда? Фамилии генералов? Посажень ли его высокопревосходительство? Кто – в белом, сером, зеленом костюмах? Кто мать молодой?.. Голубчик... Как же не знаете всех... Непостижимо!...»

Он полетел по перрону, напал на обер-кондуктора, вернулся и небрежно спросил ливрейных лакеев о сиреневом платье. В несколько минут он узнал все, что требовали его обязанности, и, присевши на скамью, вынул записную книжку и стал набрасывать материал для заметки в завтрашнем номере бойкой газеты, обращающей внимание на свежесть великосветской хроники.

– Это – репортер! Завтра попадем в газеты! – с гримаской, но втайне довольная, заметила одна дама.

«Молодая» – высокая, стройная брюнетка с крупной родинкой на загоревшейся матовой щеке, возбужденная и счастливая, казавшаяся гораздо моложе своих двадцати шести, была в «стильном» сером дорожном платье и в большой шляпе с яркими цветами, придававшей ее хорошенькому энергичному лицу что-то кокетливо вызывающее и горделивое.

Она стояла в центре кружка провожающих, обмениваясь со всеми короткими ласковыми словами. Все эти родные и знакомые, не раз подвергавшиеся ее злословию, казалось, так сердечно высказывали ей привязанность, так горячи и искренни были их пожелания, что все, все казались ей в эти минуты необыкновенно милыми, хорошими и добрыми. И она как-то невольно придавала значительность и сердечную приподнятость своим самым обыкновенным и незначущим словам.

Но вдруг по лицу молодой женщины мелькнуло выражение испуга.

– Слушай, мамочка...

Пожилая, внушительного вида, сильно молодившаяся, подкрашенная вдова известного боевого генерала, довольная, что ее Мета вышла наконец замуж влюбленная и расходы заботливой матери сократятся, – услышала своим чутким ухом тревожную нотку в голосе дочери. И генеральша с еще большей нежностью спросила:

– Что, Мета?

– Мне... Пришли в Алупку мой берет... Я забыла взять...
Не забудь.

– Завтра пошлю, милая.

И, словно бы внезапно спохватившись, прибавила:

– А ты и не хотела показать, как устроились в купе. Покажи...

– Пойдем, мама...

И когда они вошли в маленькое купе, полное букетами цветов, мать воскликнула:

– И как же хорошо... И как я рада, что ты счастливая! – прошептала мать.

– О да... да... Но, мамочка... Ведь надо Никсу сказать, – чуть слышно, взволнованно сказала Мета.

– Я говорила тебе... Не теперь только...

– А когда?

– Завтра, послезавтра... понимаешь... Как мы обворожительны! – восхищенно промолвила мать и обняла дочь. – Ну, идем, Мета.

II

Они вернулись на платформу обе веселые.

– Ведь ненадолго прощаемся, Мета... Не правда ли?

– На месяц, мама.

«Никс так меня любит!» – подумала Мета, ища глазами мужа.

Никс, плотный, цветущий, красивый блондин одних лет с женой, с решительными, слегка наглыми голубыми глазами, с подстриженной маленькой бородкой и пушистыми, кверху вздернутыми усами, в темно-синем вестоне³ и в мягкой шляпе, ходил по перрону под руку со своим товарищем по лицу, старым другом и сослуживцем по министерству.

Далеко не счастливый по виду, молодой, озабоченный и раздраженный, он сдержанно-тихо говорил другу:

– Ради самого черта, Венецкий! Сделай все... все...

– Сделаю, Никс...

– Не забудь... Не зарежь меня... Завтра же поезжай к Александре Эсперовне. Всего удобнее в два часа... Прежде был мой час, и муж на службе... Успокой. Ври... ври, объясняя, почему я уехал, не простившись... И скажи, что, как вернусь из Крыма, буду у нее... А то, что обещал, пришлю из Алупки...

– Разве ты, Никс, и у Александры Эсперовны занял?

– А ты думал, что я ей дал взаймы?.. Откуда? От американского дядюшки, что ли, наследство?.. Или ты мне дал?.. Одним словом, будь чрезвычайным послом... И благословляю тебя... В качестве утешителя сделайся другом сердца... Она...

– Свинья ты...

– Охотно верю... Но, главное, уговори моих подлецов-кредиторов... Я их просил... Верят мало... Убеди, что

³ Вестон – пиджак (*фр.*).

получу же за женой средства... Со всеми расплачусь.

– Много ли берешь за женой?

– Не меньше двухсот тысяч... Есть пензенское имение. Продают... Конечно, дурак! – раздраженно прибавил Никс.

– На всякого мудреца довольно простоты...

– Еще если бы был влюблен до одурения... Решил утром сегодня предложить генеральше ультиматум... Сколько? И немедленно двадцать пять тысяч... И понимаешь, какое-то идиотство нашло... Ни слова!.. Неловко было сказать, что, кроме долгов, ничего... А ведь мог бы сегодня заткнуть все дыры... Так и обещал подлецам... И теперь, если они предъявят векселя ко взысканию... Скандал!..

– Скажи жене...

– Еще бы!.. Не броситься же под поезд!.. Я хочу жить как порядочный человек... Для чего же ты держал сегодня над моей головой венец?.. Мета будет прелестной женой... Влюблена, не глупа, не terre-à-terre ⁴ с ревнивыми сценами и записными книжками. Душевное спокойствие. Звонки не будут раздражать... Мирный очаг в уютном гнезде. Пора избавиться от моей каторги...

Вдруг Никс нахмурился и раздраженно промолвил:

– Повернем... Сейчас полюбуешься вот этим мерзавцем, который пришел сюда...

«Мерзавец» в образе почтительного швейцара подошел к Никсу и, снимая фуражку с галуном, чуть слышно прошеп-

⁴ Заурядная (*фр.*).

тал:

– Когда же? Все вам отдал, Николай Иванович!

– Видите, женился... Получу... Вернусь через месяц...

Все получите, – почти тихо, чуть слышно промолвил Никс.

И внушительно и громко прибавил, сунув швейцару золотой:

– Так смотри же, Викентий!.. Ступай!

Никто, разумеется, не догадался, в чем дело.

Швейцар, по-видимому мало обнадеженный, что скоро посмотрит на свои деньги, не особенно горячо поблагодарил и, надевши фуражку, с мрачным видом пошел к выходу.

– Нет!.. Это черт знает что... Скотина вообразил, что удираю из-за его тысячи рублей...

Пробил второй звонок.

– Так будь другом, Венецкий... Все, что просил...

– Постараюсь, Никс.

– Один месяц пусть подождут... Один месяц – и все до копейки... Телеграфируй в Алупку... Разумеется, условно...

– Конечно...

Друзья вернулись к вагону.

Начались пожатия рук, объятия, поцелуи и пожелания.

– Счастливцев Никс! – говорили приятели.

– Прелестная пара! – заметила какая-то дама.

Все посторонились, когда пожилой господин в фетре подошел к племяннице.

Он три раза поцеловал Мету, наскоро перекрестил ей лоб

и сказал:

– До свидания, Мета... Если удосужишься, напиши – как погода в Крыму.

– Непременно, дядя... Будь здоров!

– Какое тут здоровье? – недовольно промолвил его превосходительство, точно Мета осмелилась желать здоровья человеку, который постоянно считает себя нездоровым и все-таки работает с утра до ночи, удивляя по временам авторов восторженных статей «железной энергией и неусыпным трудолюбием» его превосходительства.

– Ты, дядя, взял бы отпуск... Нельзя так работать! – с трогательным участием проговорила Мета. – Приезжай в Крым...

– Отдохни ты за меня, Мета! – шутливо сказал дядя.

Мета уж была в объятиях матери, а пред его превосходительством словно выплыл из-за жены Никс, почтительно наклонив обнаженную, коротко остриженную белокурую голову.

– Ну, доброго пути, Николай Иванович! – довольно равнодушно говорил пожилой господин, и взгляд его стал еще застланнее и, казалось, непроницаемее.

Он протянул маленькую руку в лайковой желтой перчатке и, слегка пожав руку нового родственника, не внушавшего доверия ни к его способностям, ни к его средствам, ни к его основательности, прибавил чуть-чуть мягче, но все-таки деловым тоном:

– Благоразумно сделали, что везете жену в Крым. Отдыхать и тратить деньги лучше дома, чем за границей!

Никс согласился и поспешил отойти, чтобы проститься с родными и приятелями.

Его превосходительство не стал ожидать третьего звонка.

Он сделал общий любезный поклон, сделал приветствие рукой Мете и твердой, быстрой походкой направился к выходу.

«К себе не возьму!» – бесповоротно решил он о Никсе.

И его превосходительство стал думать о весьма важной записке, которая лежала на столе в его кабинете. Его лицо оживилось. Он не сомневался, что запиской «подложит свинью» одному из своих коллег.

С уходом пожилого господина в фетре почти все проводжавшие Руслановых словно бы почувствовали облегчение от необходимости льстить и от невозможности позлословить насчет его превосходительства.

Тотчас же пошли сдержанные обмены впечатлений.

Сестра его превосходительства, молодящаяся генеральша, первая же шепнула дочери:

– Я думала, что он хоть теперь тебе даст пакет, Мета... Он ведь знает, что мои дела не блестящи... И я не могла...

– Скряга! – ответила Мета...

– Эгоист был, эгоист и остался!

Какая-то родственница Меты говорила блестящему офицеру:

– Кажется, мог бы подарить что-нибудь приличное племяннице... А то скверненький браслет в сто рублей... И ведь одинок... Старый холостяк...

– Ну, не совсем одинок, – заметила другая дама.

– Не очень-то ему стоит эта дама.

– Скуп!

– И жалуется, что, кроме жалованья, ничего.

– Знаем мы эти «ничего»... И вдруг где-то имение в триста тысяч.

– Немудрено. Рыцари без страха и упрека обязательно выигрывают на свой билет двести тысяч! – проговорил какой-то статский смеясь.

Красивый седой генерал говорил другому генералу.

– Ты знаешь... Я командовал полком, а он был в то время каким-то незначительным «чинушей».

Красивый генерал подернул плечами, точно был обижен и удивлен.

– А ловкая шельма... Слышал, недавно? – ответил генерал.

И не без завистливого смеха говорил что-то на ухо другому.

– Неужели?

– Все говорят.

Пробил третий звонок. Поезд тихо тронулся.

Мета и Никс весело кивали из открытого окна купе в ответ на поднятые шляпы мужчин и воздушные поцелуи дам.

Генеральша, отирая слезы, крестила в воздухе дочь и воскликнула:

– Да хранит тебя бог! Пиши, Мета!

Разбившись на группы, провожающие пошли к выходу. Слышались замечания о новобрачных.

– Никс прогадал... У Меты ничего.

– А пензенское?

– Один из воздушных замков матери... Кругом должна.

– А у Никса?

– Долгов еще больше.

– Бедная Мета... Она так любит.

– Этого мало... Бедняга Никс!

– Толком узнай, что получает.

– Влюбились...

– Никс!? Едва ли...

– Но как они будут жить?

– Дядя устроит... Заплатит долги Никса ради Меты...

– Не из таких американских дядюшек.

– Никс сам виноват. Не женись!

– И зачем Мета пошла за нищего?

III

Никс волновался... «Что даст ему женитьба?»

Он прибрал к месту букеты, коробки с конфетами, саки и чехлы с зонтами.

Мета сняла шляпу, посмотрела на себя в зеркало, сняла перчатки и взглянула на свои красивые руки с кольцами на длинных тонких пальцах.

Оба сели рядом.

«О делах еще рано!» – подумал Никс и поцеловал Мету.

Мета приникла к нему. Никс не без сентиментальности гладил ее волосы.

Мета, казалось, предпочла бы более серьезные доказательства счастья Никса. Когда он был женихом, не гладил головы, а целовался.

И, переполненная чувством, она почти умиленно, восторженно прошептала:

– О, как я люблю тебя! И как я горжусь тобой, Никс.

Что Мета, давно желавшая семейных радостей и считавшая флирт одним из приятных видов спорта, была как кошка влюблена в дьявольски красивого блондина, это было естественно и понятно. Но почему она могла гордиться Никсом – этого не мог понять даже и при всей своей наглости Никс.

Кроме лица и сложения, он никакого повода для гордости не подавал.

Но это ему было приятно, – пусть гордится мужем!

И Мета, на которой он женился со специальной целью, ему очень нравилась. Кроме «души», у нее была и красота... Двадцать семь, правда, но моложава и свежа. Сложена отлично. Целуется вкусно – видно, выучилась на флирте. Читает даже журналы. Умеет вести умные разговоры без претензий

bas-bleu⁵. Умеет одеваться. Влюблена и влюбится сильнее. С матерью не особенно дружна. Генеральша слишком афиширует своего юнца любовника, невозможного балбеса.

Вот все или почти все, что знает Никс о жене.

Он подумал, что пока еще не может ею гордиться.

Вот когда убедится, что даст пензенское имение...

Никс не сомневался, что оно «серьезно» и Мета обеспечена... Она не девчонка и не дура, понимает, что порядочным людям жениться нельзя только на влюбленных девушках... И теперь домашний очаг казался Никсу такой прелестью... И Мета так мила в своем проявлении горячего порыва, что Никс как будто и не совсем лживо смягчил свой мягкий голос до влюбленной нежности, когда, крепко сжимая руку Меты в своей, говорил:

– Любимая... Родная... Моя красавица... И как хорошо мы проживем в Крыму... Море... Горы... Тепло... Прогулки... И вместе... вместе...

И Никс прибавил:

– В Москве остановимся. Хочешь, Мета?

– Конечно. Я не была в Москве... Там хорошо?

– Гостиницы недурны. Остановимся в «Дрездене». Завтракать в «Большом Московском»... Обедаем в «Эрмитаже»... Кормят хорошо... А вечером...

Никс сообразил, что в его словах нет обязательно поэтического настроения. Он говорил с женой почти так, как гово-

⁵ Синего чулка (*фр. фигур.* – ученой женщины).

рил с легкодоступной женщиной, когда возил такую в Москву дня на три. Он обещал роскошный номер, обеда в «Эр-митаже» и вечер у Омона.

И Никс понимал, что, во всяком случае, нужна «поэзия».

И он сказал:

– Мы будем счастливы, Мета.

– Если ты...

– Что?

– Не разлюбишь скоро...

– Тебя?

И Никс рассмеялся. Он хотел поцеловать Мету, но в двери постучались.

Вошел кондуктор, взял билеты и спросил, когда приготовить постели.

– В Любани. Мне есть хочется. А тебе, Мета?

И ей захотелось есть... Сегодня был поздний завтрак *dînatore* ⁶.

Когда они остались одни, Мета серьезно спросила:

– Так не разлюбишь?

– Нет, нет, нет...

– Ты раньше любил, Никс?

– Никого.

– А эти твои дамы...

– Ты слышала?

– Да...

⁶ Заменяющий обед (*фр.*).

– Ну, так это были увлечения... Мимолетные связи... А теперь... Теперь совсем другое... Понимаешь... Тихий домашний очаг... Уютное гнездо... Красавица, умница жена... Милая!.. Но отчего твой дядя недоволен, что ты вышла за меня замуж?

– Он только собою доволен... И не все ли тебе равно, Никс?.. Мы любим друг друга...

– Это не мешает, Мета, чтобы твой скряга перевел меня к себе и устроил бы лучше, чем в моем министерстве.

– Мама попросит... И я, Никс... Не тревожься!

– Я не тревожусь... Надеюсь, и без дяди мы можем жить порядочно... То, что у меня, да твое пензенское... Прости, Мета, что говорю о такой прозе.

И Никс прибавил «поэзии» в поцелуе.

Напоминание о «пензенском» испугало Мету. Она почувствовала себя безмерно виновной перед Никсом и, полная раскаяния, мучилась, что во время флирта с ним как-то мимоходом сказала о «пензенском». А мама тоже говорила при Никсе о продаже пензенского... Никса обманули... Он верил... Он не скрывал, что не имеет большого состояния...

И Мета забыла совет матери...

«Никс так любит... Он простит... Надо сию минуту сказать!» – мучительно-нетерпеливо подумала Мета и со слезами на глазах трагическим шепотом проговорила:

– Никс... Милый... Хороший... Прости...

И, вероятно, понимая, как вернее получить прощение,

Мета крепче целовала Никса в губы.

Никс отвел губы, чтобы удобнее было Мете говорить, а ему слушать. Он в первую минуту не пришел в ужас от того, что рассчитывал узнать. Его мужское самолюбие было оскорблено, и он уже заранее примирялся с Метой.

«Дофлиртилась к двадцати семи летам!» – подумал он.

Снисходительно-насмешливая улыбка скользнула по его губам, и, поглаживая склоненную голову Меты, Никс ласково прошептал:

– Не волнуйся, Мета... Рассказывай, родная... что такое?.. Если бы и роман был... Разве я, милая, не люблю тебя...

– И тебе не стыдно, Никс?.. – с нежным упреком промолвила Мета...

Никс продолжал гладить голову.

Внезапно освобождая свою голову, Мета прибавила:

– Что это у тебя за привычка гладить волосы, Никс?..

Никс извинился и просил:

– Так какая у тебя, Мета, тайна? Она очень страшная? – шутя прибавил Никс.

– Она меня мучила... Хотела раньше, но...

– Говори.

– Милый! Пензенского имения нет!

Никс в первую минуту, казалось, не понимал.

И прошептал подавленным голосом:

– Что?! Как?!

– И ничего у меня нет... Знай, Никс! И ты не разлюбишь своей Меты?.. Ведь нет?

И Мета хотела обвить шею Никса. Он отодвинулся.

Мета взглянула на него и... увидала совсем другое лицо.

Оно было бледное, злое и испуганное. Глаза горели резким блеском. Губы искривились. Он с нескрываемым презрением смотрел на Мету и нервно теребил бородку.

«И он только что говорил о любви?» – подумала Мета и замерла в ужасе, не спуская с Никса влюбленных глаз.

Несколько секунд царило молчание.

IV

Едва сдерживаясь, Никс проговорил:

– Что ж вы со мной сделали, Марья Александровна?.. Вы обманули меня?.. Вы предполагали, что одной любви достаточно?.. Чем же мы будем жить... Как вы предполагаете?..

– О Никс... Этот тон... Ты говорил, что любишь...

– Говорил... Но я не думал, что вы вместе с матерью так подведете меня... Понимаете ли? Положение мое отчаянное... Кругом в долгах... Векселя... И я обнадежил кредиторов... А теперь... Под поезд, что ли?

Мета зарыдала.

– Никс... Никс... Ужели ты из-за денег женился?..

– Женился, надеясь избавиться от петли... Не первый, не последний. А вы мне нравились. Очень... И мне досадно,

что у такой хорошенькой женщины нет средств. Поверьте, я был бы недурным мужем богатой жены. Это естественно. Но не скрою...

– Еще чего? – спросила подавленная Мета.

– Скажи вы, что у вас ничего нет...

– Не женились бы?

– Разумеется... Оттого-то вы и ваша татап поймали меня на пензенском имении. Влюбились в меня... Но... ведь это не помешало бы нам отлично любить друг друга без обряда венчания... если бы вы без предрассудков признали эту форму счастья. А я приискал бы девушку со средствами...

Мета возмущалась и негодовала. Ей хотелось сказать Никсу, что он нечестный человек.

Но она бросилась к нему и, целуя его, шептала:

– Я люблю тебя... Прости... прости... Люби меня, Никс.

В эту минуту постучали в двери и кондуктор сказал:

– Любань! Три минуты!

Никс велел кондуктору взять его вещи.

– Это что значит? – растерянно спросила по-французски Мета.

– Остаюсь в Любани – и в Петербург.

– А я...

– Как вам будет угодно. Или в Крым поезжайте... или в Москву и в тот же вечер домой, к татап... Отдельный вид пришлю к генеральше. Затем развод... Имею честь кланяться!

Никс почтительно снял шляпу и вышел.

– Infâme! ⁷ – сказала Мета.

И бросилась в подушку и рыдала.

1902

⁷ Подлец (*фр.*).

Надежда Лухманова (1844–1907)

Муся

По солнечной стороне Невского, ловко и быстро лавируя среди толпы гуляющих, шла молодая девушка. На вид ей можно было дать не более шестнадцати лет. Маленькая, с тоненькой талией, но прекрасно развитой грудью, очень белокурая, с большими голубыми глазами, с маленьким ротиком, круглым и пухлым, как вишня, она похожа была на прелестную куклу. Ни один встречный мужчина не прошел мимо не оглянувшись, пожилые даже останавливались и провожали ее глазами, молодежь громко передавала друг другу свое впечатление.

– Видели? Вот хорошенькая, прелесть!..

А девушка шла, не обращая ни на кого внимания, и так спешила, что даже, запыхавшись, открыла ротик, что придавало еще более наивное и детское выражение ее личику. При повороте на Большую Морскую она чуть не столкнулась с молодым офицером, который, увидев ее еще издали, пошел ей прямо навстречу.

– Мария Александровна!

Девушка пугливо подняла голову и, узнав говорившего, вдруг засмеялась, на щечках ее образовались ямочки, глаза заискрились, она ласково продела свою руку под руку встречного.

– Вот хорошо... я так устала, вы меня доведете до дому?

– К несчастью, доводить придется мало, уже теперь так близко.

– Да, недалеко... Зато я теперь пойду тихонько. Вы откуда?

– Прямо из академии... а вы откуда... и одни?

Девушка опять засмеялась, опять личико ее засветилось, молодой человек глядел на нее с нескрываемым восторгом.

– Откуда я?.. Ну, вам, пожалуй, скажу, ведь вы не выдадите?.. Верю! Я, собственно, из музыкальной школы, с урока пения, но возвращаясь дорогой школьников, я прошла по Невскому в Пассаж, оттуда по всему Гостиному двору и теперь бегу домой, скажу, что учительница пения сегодня опоздала.

– Солжете?

– А то как же?

– Мусинька, грешно!.. – комично вздохнул офицер.

– Это правда, но я не могу иначе, я лучше вечером сделаю лишних шесть поклонов.

Офицер засмеялся.

– Лишних?.. Значит, есть известное число по положению?

– Ну конечно...

– Так, а все-таки скажите, зачем вы туда бегали? Ведь не за покупками, так как вы ничего не несете?

– Как же я буду покупать, когда мне никогда не дают на руки деньги, а между тем я думаю, что это страшно весело покупать!.. Нет, я просто смотреть ходила выставки в магазинах... Это так весело!..

– И игрушечные магазины небось смотрели?

– Конечно! – Она помолчала и потом добавила тише. – Туда я даже заходила...

– За куклой?

– Нет, мне очень хочется для Боби сбруйку, я хотела знать только цену.

Она была так мила, сообщая этот секрет, что спутник ее невольно прижал к себе ее тоненькую ручку. Молодые люди дошли по Большой Морской до угла Гороховой. При повороте в улицу зоркий глаз Муси сразу заметил прекрасный экипаж с черными рысаками, стоявший у ворот первого дома.

– Вот и пришли... – сказала она на самом углу, раньше, чем они дошли до кучера, неподвижно сидевшего на козлах, спиною к ним.

Она остановилась и вынула свою руку, как бы желая проститься с ним здесь.

– Мария Александровна, мне нельзя зайти к вам?

Руки девушки, запрятанные в муфточку, нервно сжались, но на лице не выразилось ничего.

– Пожалуйста, зайдите, мы сейчас сядем обедать, вот ма-

ма-то удивится! Я опоздала, и вернусь с вами!.. – Она наивно рассмеялась.

– Ах, Муся, какой вы ребенок! Да ведь это совсем неловко, а я и не подумал!.. Идите скорей, я провожу вас только до лестницы.

Они вошли во двор, повернули в подъезд направо, на первой площадке офицер остановился и взял молодую девушку за руку.

– Муся, когда я могу прийти к вашей маме, просить эту ручку?

Девушка вся вспыхнула и так низко наклонила головку, что спрашивавший видел только ее пушистые, мягкие как шелк завитки волос.

– Муся, что же вы так конфузитесь, дитя? Ведь вы знаете, что я вас люблю, ведь я давно умоляю вас позволить мне просить вашу руку, Муся!

Молодой человек глядел на прелестную маленькую девушку, стоявшую перед ним, и вид ее робкого девического смущения переполнил его сердце любовью и нежностью. Вся кровь, казалось, отхлынула у него к сердцу, слова его прерывались, губы побелели.

– Муся, когда я могу прийти к вашей маме?

– Подождите еще неделю, – прошептала она, – мама все время не в духе!.. Я боюсь...

– Вы боитесь отказа... Да?.. Радость моя!..

Он хотел обнять девушку, но та ловко, как змейка, вы-

скользнула из его рук и побежала вверх.

– Приходите, Аркадий Павлович, на днях вечером играть в четыре руки! – сказала она, нежно засмеялась, перевесившись через перила, и дернула свой звонок.

Едва Муся дотронулась до звонка, как дверь перед нею открылась. Очевидно, ее ждали. Горничная шепнула ей:

– Уж как вас ждут, барышня!

Муся махнула на нее рукой, сорвала с себя шляпу так, что густая волна белокурых кудрей побежала по ее спине; бросив пальто, она быстро пробежала в коридор, влетела в зал с криком:

– Мамуня!

Со стула поднялся высокий худой брюнет с большим носом и чахоточным румянцем на впалых щеках. Его сухие, лихорадочные глаза так и приковались к девушке.

– Муся!.. – остановила ее с нежным укором мать.

Девушка вспыхнула, смутилась, низко опустила головку, совершенно по-детски присела перед гостем и робко подала ему свою крошечную ручку, которую он нервно пожал холодной потной рукой.

– Ну вот, вы видите этого ребенка, разве с нею можно говорить о серьезном деле? – сказала мать с деланой шутливостью. – Поди сюда, дитя, отчего ты так опоздала?

– Учительница пения, мама, опоздала на целый час, весь класс ждал ее. Потом, погода хорошая, я шла домой потихоньку, потому что не ожидала...

Она запнулась и, подняв голову, обдала некрасивого и немолодого гостя таким лучистым, нежным взглядом, что у него все лицо пошло красными пятнами.

– Ну, Иван Федорович, я уйду, поговорите вы сами с нею. Мое такое убеждение, что как ни молода она, но в таком деле должна быть единственным судьей.

Мать вышла, бросив искоса любопытный взгляд на девушку, снова смущенно и робко стоявшую у стола.

Иван Федорович Вахрамеев, богатый биржевик, самонадеянный и авторитетный в свете, гордый своим богатством, стоял перед маленькою белокурой девочкой как влюбленный школьник. Во рту его было сухо и руки его дрожали, все слова и комплименты, которые он привык так обильно расточать перед девицами и дамами своего круга, замерли на его губах, и, собравшись с духом, он глухим и хриплым голосом сказал:

– Мария Александровна, я прошу вашей руки.

– Ах!..

Девушка снова обдала его радостным светлым взглядом и вдруг закрыла лицо руками.

Взгляд ее синих глаз ожег и ободрил Вахрамеева, он подошел ближе и снова взял своими противными, холодными руками трепетные ручки девушки и отвел их от ее лица.

– Марья Александровна, Муся... умоляю вас, скажите мне, согласны ли вы быть моею женой, любите ли вы меня хоть немножко?

Муся молчала, опустив свои пушистые золотистые ресницы.

Вахрамеев снова оробел.

– Я знаю, что вы слишком молоды и прекрасны для меня, но вы будете моим божеством, я богат, очень богат, все ваши капризы будут исполняться. Наряды, бриллианты, экипажи, лошади, все, все будет так, как вы захотите!

С каждым его словом головка Муси приподнималась, и улыбка, как луч солнца, начинала скользить по ее губам.

– Вы не очень строгий? – спросила она тихо.

– Дитя, дитя!.. – Вахрамеев ласково схватил ее за руки. – Я буду вашим рабом!..

– Я буду сама покупать все, что мне нравится?

Вахрамеев залился счастливым смехом.

– Вы будете покупать все, что вздумаете.

– А... – она лукаво взглянула на него и потупилась, – а... балы у нас будут?

– У нас?..

Вахрамеев не выдержал и схватил в объятия девушку. Муся прижалась головкой к его плечу, носик ее уперся прямо в бриллиантовую задвижку массивной золотой цепи, и ей был приятен холод драгоценных камней.

В комнату вошла Анна Петровна.

– Я вижу, что вы наладили? Господь да благословит вас! – сказала она, утирая сухие глаза, и хотела обнять дочь, но та, тихонько высвободившись из объятий жениха, снова закры-

ла лицо руками и выбежала вон.

– Вы видите, – счастливая мать только развела руками, – как есть дитя! Я удивляюсь только, как вы сумели ее приручить, она страшно застенчива, ее и подруги зовут дикаркой.

Вахрамеев принялся целовать руки своей будущей тещи.

– Пойдите, пойдите. – Анна Петровна отстранила его. – Что вы победили сердце моей девочки, это я видела давно, но помимо этого есть дело. Вы знаете, Иван Федорович, что я вдова и что у меня ничего нет за Лялей.

– Перестаньте, ради Бога, Анна Петровна, Мария Александровна богата, потому что она моя невеста.

– Но у меня есть самолюбие. Иван Федорович, я не могу отпустить из дому дочь без ничего, я не могу не сделать несколько приемов своим родным и знакомым, и потому я прошу вас пока никому не говорить о вашей помолвке, мало того, отложить вообще свадьбу на неопределенное время, пока я спишусь со своим братом, который живет в Сибири и имеет там золотые прииски, он не откажет нам в помощи.

Вахрамеев побледнел. Он еще не знал, что во всех экстренных случаях, как «дядя из Америки», выдвигался этот фантастический «брат из Сибири».

– Анна Петровна! Ради Бога, оставьте в покое всех родных! Марья Александровна моя невеста, и она *ни от кого* не может принять помощь, ее приданое, все нужные приемы вы будете делать из ее суммы, и вот вам на первые расходы...

Он заторопился, вынул чековую книжку, написал в ней:

«три тысячи» – и передал Анне Петровне. Со вздохом, с неподдельной слезой радости она приняла чек и затем мало-помалу согласилась на все желания Вахрамеева: свадьба была назначена через три недели.

Когда, наконец, ушел счастливый жених, мать, держа чек в руке, отправилась к дочери. Как ни хорошо они знали друг друга, а все-таки ей любопытно было взглянуть в лицо этому «ребенку», который, как ловкий кормчий, ввел-таки в желанную бухту корабль, так долго лавировавший у их берегов.

Муся с видом ленивой кошечки сидела, вся сжавшись в клубочек, в глубоком кресле.

– Поздравляю, Муся, молодец!..

– Не с чем, мама, – случилось ведь только то, что мы давно с вами знали...

– Так-то так, да все-таки... И тебе... не противно?.. – спросила вдруг мать, скрывая под видом грубой откровенности острое желание заглянуть в сердце девушки.

– Не так мы воспитаны, мама, чтобы позволять себе такие нежности!.. – отпарировала дочь. – Вот нужда наша, долги да извороты разные... противны донельзя!..

– Правда, – согласилась мать. – Ты умная девушка!.. Смотри!..

Она положила ей на колени чек.

– Что это?.. Три тысячи!.. – Личико Муси вспыхнуло, ямочки заиграли на щеках. – Вот это хорошо!.. – Она вскочила на ноги и запрыгала с чеком в руках. – Вы, мама, возъ-

мите две тысячи на свои обороты и все необходимое, а одну тысячу я буду тратить сама, лично на себя... Вот это весело!..

– Послушай, Мусинька, – начала мать вполголоса, – ты ведь знаешь, что он думает, тебе не больше семнадцати, а как узнает, что все двадцать?..

– А зачем же ему узнавать это, мама?.. Разве вы не сумеете дать причетнику, ну, кому там нужно... рублей сто, чтобы они вписали в церковной книге шестнадцать... Вы узнайте, я уверена, что можно: с деньгами все можно сделать!..

– Я думаю, что ты права... Ну, а как ты развяжешься со своим запасным женихом, Аркадием Павловичем?

– Уж тут, мама, придется вам пострадать, потому что, понятно, я буду жертва «обстоятельств» и вашего деспотизма!

– Так-то так, а только я тебе советую, убери ты его пораньше с дороги Вахрамеева, чтобы он не наделал беды.

– Не наделает!..

– А он тебе нравился?.. – Мать пытливо заглянула в глаза дочери, но эти прелестные глаза были глубоки, сини и пусты, как небо, она не прочла в них ничего.

– Вот что, мама! Вы это оставьте и лучше послушайте меня... Вы будете жить с нами и никогда, ни в чем не будете нуждаться, но вот мои условия.

Лицо Марьи Александровны вдруг стало так холодно и серьезно, что мать притихла, поняв сразу, что тут идет нешуточное условие.

– Во-первых, вы будете «прекрасной» тещей для Вахра-

меева, заботиться будете о нем во всем до мелочей, — его я прямо сдаю вам на руки, мне будет не до того: второе, вы будете вести все наше хозяйство и не дадите нас очень обкрадывать... Третье, вы всегда будете мне другом и помощником *во всем*, — согласны?

Мать и дочь хлопнули по рукам и поцеловались.

— Вот, если бы все женщины, мама, понимали так друг друга, как мы с вами, они завоевали бы мир... — сказала Муся и рассмеялась.

Через три дня, в полутемной зале, освещенной одною лампой, прикрытой громадным желтым абажуром, у рояля сидел Аркадий Павлович и в полтона брал какие-то аккорды, грустные, как малороссийская песня. Час тому назад здесь же был Вахрамеев, но узнав, что у невесты мигрень, он оставил ей ворох цветов, конфет и уехал, умоляя никого не принимать до завтрашнего дня.

Аркадий Павлович не слышал, но сердцем почувствовал за собою какой-то шелест и обернулся: он замер.

Посреди зала стояла Муся в белом капотике с распущенными по плечам длинными, густыми кудрями, вся бледная, тоненькая как русалка. Молодой человек бросился ей навстречу, девушка робко оглянулась кругом и, не видя никого, протянула ему обе руки и с коротким рыданием на минуту прильнула к его груди.

— Муся, Муся, жизнь моя... что с вами? — Он почти на руках донес ее до кресла и усадил, а сам опустился на колени

перед нею. – Что с вами?

– Аркадий Павлович! Мама думает, что я лежу в кровати, потому что я сказала, что у меня очень-очень болит голова... Мама вчера получила письмо от дяди из Сибири, он... – Муся заплакала, – он умер... у него осталась семья... Мама говорит, теперь мы нищие... Она еще говорит, у нее долги. Вы знаете, теперь я не буду учиться и теперь ничего-ничего нельзя... даже кушать мы не будем так, и платьев мне шить не будем... Аркадий Павлович! – Глазки ее вдруг заискрились и ямочки показались на щеках. – Я только ждала вас... ведь вы богаты, да?

Аркадий Павлович побледнел.

– Вы сейчас скажете маме, что хотите жениться на мне... что вы возьмете к себе мою маму и жену дяди, когда она приедет, и что мы никто никогда не будем нуждаться... а, напротив, будем жить весело и хорошо... Да?

Молодой офицер молчал, ему казалось, что он тонет и вода уже шумит у него в ушах.

– Вы знаете, – продолжала Муся, – я все обдумала: мы будем выезжать, веселиться... я буду много-много покупать, а мама... и тетя будут заведовать нашим хозяйством... Да?.. А вот и мама... – И Муся на цыпочках выбежала из зала.

В комнату вошла Анна Петровна.

– Аркадий Павлович, здравствуйте!.. Простите, что так долго заставила вас ждать. Муся больна, а я совсем расстроена. Мой брат в Сибири умер. – Она подняла платок к гла-

зам. – Да, Аркадий Павлович, тяжелое испытание, у нас, откровенно говоря вам, все, все держалось только помощью брата, теперь мы нищие... Муся, вы знаете, это ребенок! Нежна, избалована, понятия не имеет о жизни и привыкла к роскоши... Я всю свою пенсию, все достатки, всё клала на нее, я кругом в долгу.

– Анна Петровна, – Аркадий Павлович едва мог говорить от волнения, – у меня ничего нет, кроме службы и небольшой поддержки от отца... Я хотел просить у вас руки Марьи Александровны...

– Дорогой мой!.. – Анна Петровна взяла двумя руками голову офицера и поцеловала его в лоб. – Видит Бог, я не желала бы лучшего мужа для своей дочери, но подумали ли вы, что вы на себя берете? Я виновата... я воспитала дочь свою не по средствам, но так хотел мой брат из Сибири, он много помогал нам... ведь Муся от рождения не знает других чулок, как шелковые... это мелочь, но она дает тон всему... Муся никакого отказа не перенесет... Можете ли вы доставить ей все?.. Да и я куда денусь?.. Без меня она жить не будет!..

– Как же теперь вы будете жить?

– За Мусю вчера посватался Вахрамеев...

– Вахрамеев?.. Да ведь он... И Муся, т. е. Марья Александровна?

– Она слышать не хочет и говорит, что вы тоже дадите ей и лошадей, и бриллианты, и поедете с нею за границу... –

Мать засмеялась.

– Анна Петровна, ваша дочь любит меня...

– Муся? Да ведь это дитя, разве она умеет любить? Она любит Боби, кукол, она будет обожать Вахрамеева, который будет ее баловать и поклоняться ей.

– Анна Петровна! Да ведь это безнравственно!

– Да, безнравственно взять из семьи девушку-ребенка, отнять от нее все радости, разлучить с матерью и обречь на нужду! Это я считаю безнравственным... Муся зачахнет и умрет в нужде.

Аркадий Павлович схватил свою шапку и как безумный выбежал вон.

– Покончили, мама? – спросила Муся, входя в зал.

– Покончила, – махнула рукой Анна Петровна. – Понятно, если бы ты прозевала Вахрамеева, пришлось бы тебе идти за него, потому что еще год – медлить уже и нельзя... Не всегда ты будешь выглядеть таким ребенком... и теперь уже сколько возни с этим... Ты не обижайся. – Она поцеловала дочь. – Ты умная девушка и понимаешь, что всякий должен иметь при себе оружие. Благодарю Бога, Муся, что я правильно воспитала тебя, я с детства держала глаза твои открытыми, вот почему ты и понимаешь жизнь и сама можешь выбирать то, что тебе надо. Я убеждена, что ты проживешь хорошо, без драм, без переворотов, и муж твой будет счастлив, потому что ты умна и выше всего поставишь уважение и роскошь, эти два первых блага в жизни.

– Да, мама, что правда, то правда, а я в жизни не запутаюсь, не увлекусь никем и кукушку свою, Ивана Федоровича, ни на какого ястреба не променяю... – Она засмеялась.

Через три недели в одной из аристократических домовых церквей венчали Мусю и Ивана Федоровича Вахрамеева. Когда невеста вошла в церковь, общий шепот восторга пробежал в толпе: «Ребенок, совсем ребенок, и какая прелесть!»

– Вот так бутон! – шамкали два сенатора, потирая руки.

«Мадонна чистая», – думал жених, глядя на большие, прозрачно-детские глаза своей невесты, на ее пышные, белокурые волосы и крошечный пунцовый ротик, чуть-чуть открытый.

Она тихо, но ясно сказала «да», колечко ее было так мало, что жених даже не мог попробовать надеть, и он был счастлив, счастлив как никогда в жизни...

Когда Муся, окруженная восторгом похвал, села в *свою* карету и муж запахнул на ней ретонду из темных соболей, она тоже была счастлива.

Только Аркадий Павлович, лежа в тот же вечер ничком на своей кровати, рыдал, рыдал как безумный, и не мог понять, что он тоже счастлив, – что миновала его та чаша, к которой он так жадно тянулся губами.

1899

Казимир Баранцевич (1851–1927)

Бокал шампанского

I

– Кажется, никого из наших нет? Мы первые!

Муж взглянул на нее сбоку, усмехнулся:

– Не беспокойся, Оля! Вон я как будто вижу лысину Гнездова? Ну да, конечно, он! И mademoiselle Жюли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.